

АЛЕКСАНДР
КУСТАРЕВ

Национализм и спасение утопающих

«The selfishness of nations is proverbial».

REINHARD NIEBUHR

«Нас не спасет от потепленья
Ни Бог, ни царь и ни герой».

Коль скоро мы согласны, что деятельность человека на планете Земля преобразует саму планету (как заметил уже сто лет назад Владимир Вернадский), и принимаем к сведению утверждение магистральной науки, что антропогенное изменение климата грозит теперь человечеству катастрофой, естественно задуматься над тем, как этого избежать.

Вполне обоснованно выглядит предположение, что для этого возможно и достаточно отказаться от использования углеводородного топлива как основного

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖАЕМОЕ**

энергетического ресурса. Разработана стратегия перехода на безуглеродную энергетику, но ее реализация тормозится. Считается, что проект *net-zero* требует ежегодных расходов (они же инвестиции) в размере пяти триллионов долларов до 2050 года, а пока расходуется только половина от этой суммы.

Опасения, что катастрофы не избежать, нарастают. Начинается паника миллениаристского (апокалиптического) стиля, как это регулярно бывало в средневековой Европе.

Возникающее в этой панике социальное творчество разнообразно. В явно расточительном потребительском обществе очень интенсивна проповедь аскезы. В этом русле, например, продвигается доктрина «нулевого роста», экзотические диеты и неизвестная ранее установка на бездетность (антинационализм). Хотя это прежде всего рациональная попытка ослабить давление на окружающую среду, в ней сохраняется оттенок душеспасительной практики, как и во всякой аскезе. Но фаталистическая душеспасительная практика, как, например, молитва, в отличие от Средневековья, не востребована. Вместо нее процветает антинаучная и псевдонаучная заклинательная (магическая) практика в виде упрямого непризнания реальности.

Более характерны для нашего времени поиски спасителя. В бога мы не верим. Царя (всемирного «Левиафана» Гоббса) нет, не будет и не надо. Остается герой. Какая же агентура будет в этой ситуации инструментальной? Мы ждем на этот счет откровения. И оно нам предлагается в книге-памфлете Анатоля Ливена «*Climate Change and the Nation State*»¹. Ливен уверяет, что знает, кто

и как может спасти человечество от «всемирного потопа» – это крепкое и единомышленное национал-государство, то есть нация с имманентным ей национализмом. К этому откровению Ливен пришел так:

«Апелляция к общим интересам человечества и к нашим обязанностям перед планетой вполне морально полноценна и вдохновляет многих активистов, но она попросту не способна побудить к действиям массы ни в одной важной стране. [...] Ориентация на идеальный мировой порядок только мешает реальным действиям по консервации климата и в сущности есть предательство интересов человечества. [...] Осознав это, я, естественно, вспомнил про национализм – самый мощный побудитель коллективного действия в современной истории»².

Много раз (Ливен приводит примеры) национализм вдохновлял широкие массы на важные действия. Естественно, национализм должен выступить в этой роли и теперь. Ливен уточняет:

«Что касается борьбы с изменением климата, то важнее всего то, что национализм, может быть, единственная сила (помимо прямой заботы дедов о своих внуках), способная преодолеть самое серьезное препятствие к действию, а именно – неспособность нынешних поколений пойти на жертвы ради будущих поколений, [...] поскольку] главная ценность в умозрении национализма – продлить жизнь нации как можно дальше в будущее»³.

Итак, нас спасут партикулярные коллективные агентуры, именуемые «нациями», с их волей к жизни и ощущением (переживанием) общей судьбы, то есть *национализмом*. Человечество лишено этой воли и этого ощущения. Человечество – рыхлая и рассеянная масса

1 LIEVEN A. *Climate Change and the Nation State*. London: Penguin Books, 2021.

2 Ibid. P. XV.

3 Ibid. P. XVIII.

анонимов. Общечеловеческого самосознания нет и скорее всего никогда не будет: солидарность его фрагментов будет всегда сильнее.

Национализм как настроение масс подсказывает власти ее главный *raison d'être* – сохранение нации, а в качестве идеологии власти он обеспечивает ей легитимность, то есть авторитет, а стало быть, стабильность и дееспособность. Такая власть может предложить своему народу пойти на жертвы сейчас для того, чтобы сохраниться в будущем, – и рассчитывать на то, что это предложение будет принято. Как во время войны. Агентура национализма (нация), осознав, что изменение климата угрожает ее «национальной безопасности» – а в сущности физическому выживанию, – инстинктивно примет самые решительные меры, чтобы этой угрозы избежать.

Согласимся с тем, что партикулярные общности, обозначаемые этикеткой «нация», более солидарны (сейчас во всяком случае), чем человечество, и соответственно более способны к совместному целенаправленному действию. Но для какой цели? Буквально для того, чтобы остановить потепление? Или для своего спасения?

Дело в том, что это не одно и то же. Остановить глобальное потепление – это не цель, а только средство для достижения цели. Цель, ввиду предстоящей катастрофы, – это выживание. В данном случае – в непривычных и опасных климатических условиях. И возможны две стратегии выживания. Одна из

них – остановить потепление. Другая стратегия: создать искусственную среду обитания – по образу Ноева ковчега. Они сейчас сопоставляются под этикетками *mitigation* (замедление, смягчение) и *adaptation*⁴.

Экспертиза, видимо, уверена, что стратегия ковчега для всего человечества нереалистична, хотя бы потому, что на его создание (со всей оснасткой) и дальнейшее поддержание (особенно кондиционирование воздуха) потребуется слишком много энергии, чего как раз надо избежать. Отсюда следует, что на ковчеге для всех места не найдется. А далее это означает, что начнется строительство партикулярных ковчегов. И пока не для всех еще очевидно, что катастрофа угрожает в равной мере всем, нации будут в первую очередь спасаться сами и, между прочим, даже не обязательно целиком, поскольку не только нации могут оказаться главными коллективными субъектами спасения. Все актуальнее будет лозунг «Спасайся, кто может!». Это будет уже настоящая паника, переходящая в полный хаос и всеобщую резню за сравнительно безопасные ниши и ресурсы для создания убежищ – причем еще до того, как катастрофа достигнет своего пика. Поэтому, кстати, можно думать, ответственные инстанции поначалу вообще не упоминали адаптацию к глобальному изменению климата как альтернативу остановке потепления и даже теперь затрагивают ее сдержанно, хотя общественность давно говорит об этом весьма громко⁵.

4 Lot R. *Adaptation and Mitigation: Trade-Offs in Substance and Methods* // *Environmental Science and Policy*. 2005. Vol. 8. № 6. P. 572–578.

5 LISA E., SCHIPPER F. *Conceptual History of Adaptation in the UNFCCC Process* // *Review of European Community and International Environmental Law*. 2006. № 15(91). P. 82–92. Диспозиция много раз воспроизводилась в беллетристике и кино. Для примера: футурологический роман британца Джеймса Грэма Балларда «Ветер ниоткуда» («The Wind from Nowhere») или исторический роман немецкого писателя Вернера Бергенгрюна «На небесах как на земле» («Am Himmel wie auf Erde»), где прусскому курфюрсту Иоахиму в начале XVII века астролог предсказал большое наводнение; курфюрст запретил распространять об этом слухи, а осведомленным – строить ковчег.

От Ноя до модерности все компактные популяции спасались в одиночку. Довольно долгое время так происходило просто потому, что они вообще не знали друг друга. Позднее – потому, что не было технических средств для кооперации. Но в ранней модерности появилась тенденция к сознательному выбору изоляционизма (автаркии) как стратегии спасения перед лицом надвигавшейся опасности. В этом духе выдержаны такие инициативы, как меркантилизм и торговый протекционизм, за ними – «социализм в отдельной стране». Все они ориентированы на спасение партикулярных общностей от катастрофы, развязанной капитализмом с его рыночной конкуренцией. Этот оттенок можно заметить и в концепции «America First!» капиталиста Трампа, хотя она уже мотивирована и глобальным потеплением – и прежде всего самым неприятным для США неизбежным его следствием – массовыми миграциями.

В этой тенденции обнаруживается *коллективный эгоизм* нации – национальный эгоизм. Вот как объясняет его происхождение и неустрашимость Рейнхард Нибур:

«Единство нации как модуля корпоративности гораздо больше: оно поддерживается скорее силой и эмоциями, нежели рациональными соображениями. Этически мотивированное действие невозможно без самокритики, а она возможна, только если видеть нацию со стороны. Поэтому обычно национальные установки весьма далеки от этических. Даже когда тенденция к самокритике находит себе выразителей, правящие классы их подавляют, чему сильно помогает инстинктивная тяга общества к единству. Самокритика указывает на разобщенность, что слабо-

сильное сознание нации плохо отличает от опасной формы внутреннего конфликта. [...] Поэтому нации отправляют своих моральных бунтовщиков на ту же Голгофу, что и обычных преступников, не будучи способны увидеть особость морального идеализма, расположенного выше морального стандарта, на уровне которого любое общество строит свою совместную жизнь. Лояльная критика общности не совсем невозможна, но трудно осуществима. [...] Из-за недостатка критичности, как заметил католический модернист Тиррелл⁶, общности больше, чем индивиду, свойствен эгоизм. По словам Тиррелла, “в той мере, в какой общество самосознательно, оно должно самоутверждаться, гордиться собой, быть самодовольным и эгоистичным. [...] Парадоксальным образом патриотизм преобразует альтруизм индивида в национальный эгоизм”. [...]

В воображении простого патриота нация – это одновременно ограничитель и окончательный выразитель индивидуального эгоизма; иногда это экономический интерес, а иногда просто тщеславие, воплощенное таким образом в патриоте. [...] Комбинация личного альтруизма и производного от него личного эгоизма сообщает особую силу национальному эгоизму»⁷.

Представление о нации как об агентуре эгоизма *par excellence* легко конвертируется в определение национализма. Обычно он воспринимается через его манифестации – шовинизм и ксенофобию, изоляционизм или, наоборот, империализм и прочее. Но сущность национализма при любых ее импликациях всегда одна и та же – эгоизм, национальный эгоизм.

Таким образом, мало внушить нации, что глобальное потепление на самом деле есть прямая угроза именно ее

6 Джордж Тиррелл (1861–1909) – англо-ирландский теолог.

7 НИБУР R. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. New York: Charles Scribner's Sons, 1932. P. 88–89, 93.

безопасности. Национал-государства, ввиду предстоящей катастрофы скорее и даже наверняка выберут адаптацию к меняющимся условиям, что можно делать в одиночку, а не остановку изменения климата, для чего годится только договорная кооперация. Более того, они будут спасаться за счет других наций даже тогда, когда это не обязательно, а просто более удобно и дешево.

Не заметив разницы между «спасением нации» и «остановкой глобального потепления» и забыв про феномен коллективного эгоизма как свойства национального сознания, Ливен в то же время знает, что у либералов есть стойкий обыденно-политический иммунитет к национализму как «моветону», и, надеясь убедить их расстаться с этим «предрассудком», переизобретает, так сказать, национализм – что он сам и называет главной задачей своего трактата. Это, как мы увидим, только усугубляет его иллюзию относительно инструментальности национализма для спасения человечества.

Ливен конструирует версию национализма, называя ее *civic*, то есть национализм гражданской нации. Такого «гражданского» национализма, как считает он сам, еще нет, и, чтобы он созрел, понадобятся «десятилетия и несколько поколений»⁸. О том, как он может выглядеть, Ливен ничего не говорит, но, судя по всему, он представляет себе его как некий гибрид:

«На современном Западе консерваторы должны признать, что ностальгическая мечта о сплоченной однородной нации – это пустая мечта. Любая попытка воссоздать такое общество в конечном счете ведет к фашизму. Однако западные либералы, со своей стороны, должны признать, что узы национального гражданст-

ва [*bonds of national citizenship*] абсолютно необходимы для поддержания многих установок [*causes*] либерализма и что ни одна страна, если она хочет выжить, не может быть полностью открыта как для иммигрантов, так и для других культур. Если западным демократиям нужны национальное единство и стойкость, чтобы выжить, консерваторам следует ослабить свой этнический национализм, а либералам усвоить в гораздо большей мере гражданский национализм, но в целом политический спектр должен быть националистическим»⁹.

Этот пассаж – легкая добыча для критики, но здесь для нее нет места, равно как и надобности. Потому что этот сырой и тривиальный рецепт нового партийно-программного консенсуса просто игнорирует самое существо дела.

Концепция гражданской нации с ее смешанной нормативно-номинативной модальностью была в свое время предложена теми, кто, считает, что индивид включен в нацию не через генофонд и/или нарратив, а через налоги, социальное страхование и избирательное право, а также через сознание своего гражданского долга. В этом представлении слова «национальность» и «гражданство» – синонимы – так же, как понятия «государство» и «нация».

Такое понимание нации как государственной общности имело целью изжить шовинизм коренной популяции, с одной стороны, и добиться лояльности государству меньшинств, особенно пришлых, с другой стороны. В этом смысле идея гражданской нации предполагала эрозию этнокультурной самоидентификации гражданской массы и на самом деле в этом немало преуспела. Но в той мере, в какой это действительно так, у гражданской массы возникает

⁸ LIEVEN A. *Op. cit.* P. 87.

⁹ *Ibid.* P. 85.

дефицит общей идентичности, и он должен как-то компенсироваться. Самый доступный ресурс для этого – экзальтация государственности и государственного суверенитета. А это значит не ослабление коллективного эгоизма, а, наоборот, усиление – теперь уже как гражданского национализма.

Эту же тенденцию сейчас парадоксальным образом подогревает глобализация, идущая своим чередом, независимо от каких бы то ни было глобальных угроз. Это происходит по ходу становления параллельных – а в идеально-типическом смысле альтернативных – вариантов организованности антропосферы в правовом, предпринимательском, информационном пространстве, что ведет к вытеснению и во всяком случае к выхолащиванию геополитической сферы.

Нации, то есть гражданские нации (других нет), теряют суверенитет, а вместе с ним идентичность и реагируют на это как на порабощение, даже если им это не грозит материальными потерями. Они начинают вести себя как внутригосударственные сепаратисты или как вели себя так называемые национально-освободительные движения в империях. Они проклинаят и как только могут тормозят субглобальную интеграцию (Евросоюз) и глобализацию как таковую. Они рвутся отделиться от государства, которого нет. Еще нет. А может быть, никогда и не будет. Но оно им мнится. Отсюда все более популярна призрачная фигура «глубинного государства» у всякого рода конспирологов.

Так что гражданская нация, при всем ее либеральном плюрализме, оказывается еще меньше готова к лояльному участию в попытке остановить глобальное потепление.

Конечно, возможна респектабельная казуистика, предлагающая считать, что

именно эгоизм наций обеспечит всеобщее спасение. Как «невидимая рука» в постулате Адама Смита, где стремление индивида к личной выгоде («разумный эгоизм») при поддержке рыночного механизма умножает общее (национальное) благо. В гонке за выживание нации будут стимулировать друг друга – прежде всего, соревнуясь в экономии ресурсов, то есть принося некоторые жертвы, к чему они именно в силу альтруизма компатриотов как будто бы более способны, чем любые другие коллективы. А также они теоретически могут делать это, соревнуясь в сфере экологического изобретательства. В таком соревновании, помимо самого эффекта конкуренции, кто бы ее ни выигрывал, будет создаваться общедоступный фонд спасательных технологий, который будет либо легально доступен всем, либо без особого труда заимствован. В итоге эгоизм наций якобы обеспечивает благо глобальной общности (антропосферы).

Такова же логика постулата «хочешь мира – готовься к войне». Он так же предусматривает «невидимую руку». Гонка вооружений была аналогом рыночной конкуренции и, поддерживая геополитический силовой баланс, обеспечивала миру мир. Так во всяком случае это понимает «геополитический реализм».

Ливен с самого начала объявляет себя адептом школы «реализма» в теории международных отношений (он ссылается на Моргентау), так что вполне мог бы (даже должен был бы) использовать именно вышеописанную логику. Но он ее не увидел. Не исключено, что просто плохо смотрел. Но, даже если так, его слепота симптоматична, потому что, будучи вполне лояльным стандартному американскому либерализму, он не верит в то, что конкуренция обеспечит общее благо всех ее участников, – если

она не ограничивается и не корректируется (регулируется).

Так, конечно, и есть. К началу XX века стало очевидно, что «невидимая» рука со своей ролью справляется плохо, и в ответ на это возникло современное социальное государство. Продолжая аналогию, следует ожидать, что в глобальном масштабе должно произойти то же самое. Но для этого нужно согласие национал-государств на усечение их суверенитета, подобное усечению суверенитета капиталистических фирм в границах национальной экономики. Допустим, что национализм помог усмирить эгоизм частных агентов. Но, как объясняет Нибур, он же конвертирует их эгоизм в национальный, что прямо противоположно тому, что требуется.

Есть и менее респектабельная возможность считать, что национализм дает человечеству шанс на спасение. В условиях потопа конкуренцию наций выиграет та, чей, *ceteris paribus*, национализм окажется более эффективным. И ее спасение будет в будущем восприниматься как спасение человечества. Считаю же мы спасение Ноя с семьей спасением человечества. Или?

Этот циничный фаталистический вариант, доведенный до крайности, может даже видеть во всемирном потоке положительное событие. При нынешнем

умонастроении элиты никто не решится продвигать такое представление на широкой общественной арене, хотя, конечно, масса людей именно так представляют себе будущее.

Но если для благонамеренных либерал-глобалистов ни оптимизм концепции разумного эгоизма, ни циничное хладнокровие социал-дарвинизма неприемлемо, то зачем они пытаются делать ставку на национализм, как это демонстрирует Анатолий Ливен?

Климатическая угроза вместе с глобализацией привели к подъему правопопулистских движений и партий, а также к повышению репутации иллиберальных режимов. Либерал-демократический истеблишмент боится, что теряет политическую власть. Оппортунисты дезертируют из его рядов. А аутентичные либералы (как Анатолий Ливен) надеются перехватить инициативу, модифицируя националистический нарратив или спрятав собственный глобализм за националистической риторикой. Сейчас трудно сказать, что это такое: харизматическая инициатива или просто политтехнология. Но так или иначе – трактат Ливена документирует эту тенденцию. Ее перспективы крайне неопределенны. Она может привести к серьезной реконфигурации политического поля демократий и полудемократий. А может оборваться почти сразу.